

Почему Володин больше не пишет пьес?

Самый яркий наш драматург-шестидесятник, сценарист замечательных фильмов «Пять вечеров», «Осенний марафон», «Звонят, откройте дверь» — теперь не пишет пьес.

Некоторое время назад он вернулся из Америки. Ездил к сыновьям. Старший сын, Володя, уехал, когда там заинтересовались его работами по математической логике. Следом перебрался и младший — Алеша. А Володин — гостил у них в Остине, столице Техаса.

— Прекрасная страна, но жить там мне было бы трудно. Все летит у нас в пропасть, но жить могу только здесь. Как-то написалося:

— Так беспокойно на душе.

«Добрее быть, — твержу, — добрее».

«Умнее быть, — твержу, — умнее».

Но мало времени уже...

Вот в чем беда-то: жизнь проходит!.. Помню, когда Наташу Гундареву впервые увидел на сцене (это было у нас, в Питере, в спектакле «Свои люди, сочтемся» она играла Липочку), побегал в антракте в буфет, купил водку и, только представленные закончилось, — раз! — за кулисы. Опустился перед Наташей на колени и поцеловал ей ботинку (у ее героини были огромные чоботы, каждый из которых я называл «ботинкой»). И тут же мы с ней и с ее партнером Женей Лазаревым водку «на троих» распили... А вот в Америке подобное почти нереально — вскочить, ворваться к кому-то и с ходу предложить: «Давай выпьем!» По-моему, это большой недостаток... Здесь я чувствую, что кому-то нужен... Но теперь, увь, водка дорогая. А не выпьешь, так и не напишешь...

Однажды Володина спросили: «А что это у вас, что ни героиня, то без родителей?» И правда, и в «Фабричной девчонке», и в «Старшей сестре», и в фильме «Дочки-матери» — бывшие детдомовки. Так ведь и сам он вырос не дома. Жил в Москве, у родственников. Старший двоюродный брат, «Шура-большой», играл в театральной студии и советовал ему, пятикласснику, читать Пастернака... А летними вечерами Володин ездил в ЦПКЮ.

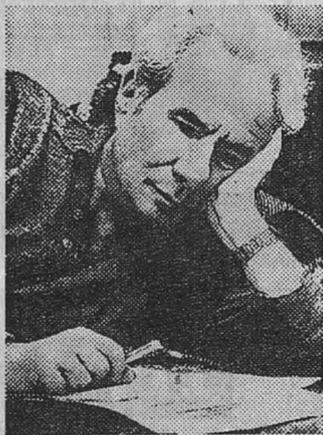
— Там играл военный духовой оркестр. С тех пор больше всех музыкальных инструментов люблю трубу: она так близка человеческому голосу! Вот почему фильм по моему сценарию «Звонят, откройте дверь» — про трубача...

— В пионерском лагере вы горнистом случайно не были?

— Никогда в жизни. Кстати, в лагере меня исключили из пионеров.

— За что, Александр Моисеевич?

— За то, что нал своей койкой приколот открытку с фотографией любимого артиста Качалова. Вожатый возмутился: «Какой еще Качалов?! Почему

не Ворошилов, не Буденный?!» И под барабанный бой выперли... Ну а спустя несколько лет так же выперли из комсомола.

— Чем же вы скомпрометировали доброе имя комсомольца?

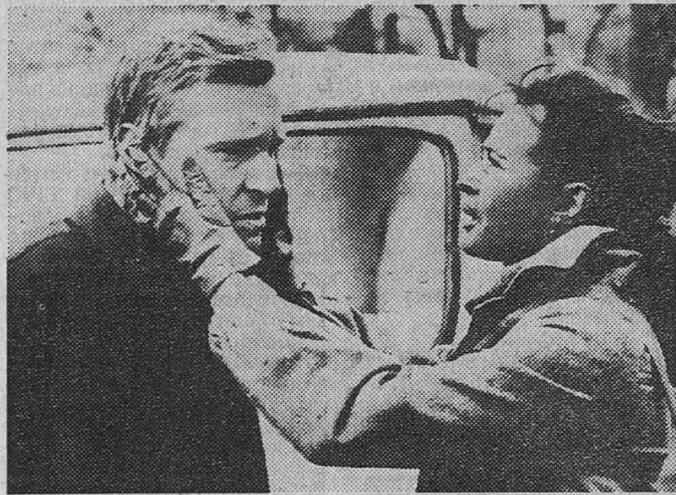
— Стихами... Дело в том, что после школы не знал, куда себя девать. Пришел на Белорусский вокзал и за семнадцать рублей (все, что наскреб в кармане) взял билет до станции Уваровка. Там обратился в роно, и сразу выяснилось, что учителей не хватает. Меня направили в деревню Вешки, где провел год. Время было самое страшное, тридцать седьмой, но в глуши это не так заметно. Однако бдительные коллеги засеки, что я читаю ребятам не те стихи, например, запрещенного Есенина!

Потом пришел срок призыва в армию, и я был этому рад: пусть забирают и сами решают все за меня... Однако перед призывом на всякий случай подал заявление в ГИТИС, на театроведческий. Приняли. А через месяц — повестка в армию. В тот год забирали с первых курсов...

— Ну и что, армия вылечила вашу беспокойную душу?

— Если что и ненавижу, так это армию в мирное время... В первое же воскресенье получил от знакомой письмо: «Приеду, встречай». Увольнительных нам еще не давали, однако пошел. Навстречу капитан Линьков: «Товарищ боец, ваша увольнительная?» — «Увольнительная нет, но я договорился с девушкой, что встречу ее». — «Товарищ боец! Встаньте по команде «Смирно!» На нас уже смотрели прохожие. Я попросил: «Товарищ капитан, не надо кричать, неудобно. Я все-таки пойду. Простите меня, пожалуйста...» Он схватился за кобуру. Но не выстрелил. Вернувшись после свидания в часть, я отделился сравнительно легко...

Однажды в воскресенье нас повели в Дом Красной Армии посмотреть кино. Я от строя отбился — чтоб полтора часа посидеть в соседнем скверике, поглазеть на женщин. К концу се-

Бузыкин из «Осеннего марафона» — это тоже Володин...

анса вернулся в ДКА: сейчас наши выйдут, и я пристроюсь. Двери кинозала распахнулись, и солдаты-мальчики выскочили с радостными воплями: «Ура! Война! Сейчас объявили! Война с Германией!»

— Вы радовались войне?

— Да потому, что война — это конец казарме, заграничные страны и скорая победа! Мы шли строем, но дели, хохотали и не понимали, почему женщины у ворот, глядя на нас, плачут... Потом мы сидели в бетонированных дотах старой линии обороны под Полоцком. Ходили слухи, что Буденный уже взял Варшаву. Война вот-вот могла кончиться без нас...

— Какая-то благостная война у вас получалась...

— Это было недолго. Вскоре мы вернулись в Полоцк и увидели красно-черные развалины — все, что осталось от уютного городка. Потом выходили из первого окружения, из второго... Тяготы войны я старался переносить терпеливо, как интеллигентный человек...

Но восстанавливаться в ГИТИСе после войны не решился. Выбрал институт кинематографии.

Перед экзаменом по специальности досыта наелся хлеба (какой-то он был поддельный, со жмыхом). Задание: написать рассказ. Однако с непривычки к такому количеству хлеба почти сразу почувствовал, что меня тошнит. Преподаватель показывает на меня остальным абитуриентам: «Вы сразу схватились за перья, а вот он, молодец, не спешит, думает!» Еле-еле исписал страницу и ушел. Через несколько дней в коридоре слышу: девушка-старшекурсница рассказывает подруге, что какой-то парень, солдат, написал на экзамене потрясающий рассказ — всего одна страница, все в подтексте!...

Потом пять лет нас учили писать сценарии. Потом оказался в Ленинграде, на студии научно-популярных фильмов, где

бдительный начальник сценарного отдела из инородцев прошал только Маркса, Свердлова и меня. Поскольку бывший фронтвик, то редактировал секретные фильмы о правилах обматывания портянок.

— Каким же образом автор секретных фильмов о «правилах обматывания портянок» вдруг создал пьесу «Фабричная девчонка», которая в самом начале хрущевской оттепели, потрясла отечественную сцену?

— А вот каким. Приезжает ко мне в Питер с Украины Коля Кылымник. Выпили мы, как договорились на войне: молча, у порога, по граненому, закусили его арбузом, и я Коле рассказываю: «После ранения в легкое казалось — вот-вот сыграю в ящик. Думал: «Ах, если бы мне дали прожить хоть год, как много успел бы сделать!»...

Обсудили мы все это, а когда Коля уехал, я взялся за перо. Получилось несколько рассказов, которые составили книжку. Стали уговаривать меня, чтоб написал пьесу. Как раз в общезнания «Скорехода», где обсуждали мою книжку, комсомолки посоветовали мне написать «критический рассказ» о девичке, которую «недавно выгнали с танцплощадки!» Познакомили меня с этой девичкой, и она мне понравилась.

А потом в полуподвальное симметричное жилище, где я обитал с женой и сыном (побывав здесь, Назым Хикмет заметил, что его камера в турецкой тюрьме была больше), спустилась завлит БДТ Дина Морисовна Шварц: «Георгий Александрович просит дать ему вашу новую пьесу». Товстоногов решил ставить «Пять вечеров»...

— Это же был грандиозный спектакль! Где вы посмотрели своих героев, их разлуки и встречи?

— Перед самым уходом в армию я познакомился с девушкой. Пришла она меня провожать. Сидим мы, новобранцы, в грузовых машинах, провожающие плачут, а она смотрит снизу и говорит: «Видишь, какая у

тебя будет бесчувственная...» — и запнулась. Моторы уже горахтят, плохо слышно. Кричу: «Что ты сказала? Не понял!». А она: «Я сказала, видишь, какая у тебя будет бесчувственная жена?» Уже жена? Вот это да! Машины тронулись, она побежала вслед. Потом мотор, что ли, заглох, остановились. И она поодаль остановилась, прислонилась к водосточной трубе. Опять поехали — она опять побежала. Потом отстала... В войну мы переписывались, а после все-таки поженились... В пьесе Ильин точно так же вспоминает о том, как его на фронт провожала Тамара...

Екатерина Алексеевна Фурцева приехала в Питер запрещать «Пять вечеров». Перед началом второго действия иду за ней следом по фойе. Вдруг спрашивает: «Какой ваш любимый зарубежный драматург?» — Мне не до того. Не сразу вспомнил — кто там?.. «Эдуардо де Филиппо!» Она остановилась, обернулась: «Вот ваша ошибка! Итальянский неореализм — не наша дорога!»...

А я вообще тогда решил: чем откровенней о себе, тем, может быть, больше найдется людей, которые подумают, что это — про них...

— И Бузыкин из «Осеннего марафона» — это тоже вы?

— Естественно. Там и мое идиотское безволие, и боязнь обидеть — все, что уже упомянуто. Например, у меня тоже был сосед, который взял за правило рано утром, перед работой, приходить для «политических» разговоров. Отказать ему в этом я не мог и, когда сосед удалялся, я ложился дышать...

— Не могли бы сформулировать главную общую идею всего, о чем пишете?

— Пожалуй, это противостановление человеческих чувств регламентам жизни... Да, собственно, об этом даже мой, так сказать, «условные» пьесы, написанные в жанре «каменного декламента»: «Выхухоль», «Ящерица», «Две стрелы»... Все это поставлено поздно, с опозданием лет на тридцать.

— Нет желания написать о герое нашего времени, о нуворише с миллионами в кармане, который сегодня, по сути, верховодит жизнью?

— Недавно на телеэкране показали миллионера, который пожертвовал какие-то миллионы на «модный» театр. Интервьюер спрашивает: «Почему вы помогаете именно этому театру?» — «Потому что он лучший в стране». — «Вы видели его спектакли?» — «Нет»... Как эффектно!.. Вот о таких и писать неохота.

— И все же будет новая пьеса?

— Едва ли.

— А что есть счастье, по-вашему?

— Пустынное слово среднего рода...

Лев СИДОРОВСКИЙ.
Санкт-Петербург.